

ОТРЫВКИ ПУШКИНА «ПОВЕСТЬ ИЗ РИМСКОЙ ЖИЗНИ» И «МЫ ПРОВОДИЛИ ВЕЧЕР НА ДАЧЕ ...» КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

Статья посвящена сравнительному анализу отрывков Пушкина «Повесть из римской жизни» и «Мы проводили вечер на даче...» с характерными признаками, присущими философской прозе.

Ключевые слова: Пушкин, прозаический отрывок, философская проза.

M. V. Ustratova

THE PUSHKIN'S FRAGMENTS «THE STORY OF ROMAN LIFE» AND «WE SPENT THE EVENING AT THE COTTAGE...» AS A PHILOSOPHICAL PROSE

The article is devoted to the comparative analysis of the Pushkin's fragments «The story of Roman life» and «We spent the evening at the cottage...» with the typical features of philosophical prose.

Key words: Pushkin, prose fragment, philosophical prose.

А. Ахматова в одной из заметок о творчестве Пушкина 30-х годов вскользь упомянула о тенденции формирования у поэта явления, которое «<...> могло бы называться «*философской прозой*»» [2, с. 206]. Концепция, не получившая развития, подводит к целесообразности проведения сопоставительного анализа конститутивных признаков философской прозы с двумя неоконченными сочинениями Пушкина «Повесть из римской жизни» и «Мы проводили вечер на даче...».

В современной науке четкая формулировка дефиниции «философская проза» отсутствует, и, по мнению Е. А. Акелькиной — автора диссертации «Пути развития русской философской прозы конца XIX века», — «<...> литературоведу и культурологу сегодня ее давать преждевременно» [1]. Стержнем нашей статьи является следующее эксплицирование философского текста русским ученым, профессором словесных наук Н. И. Надеждиным: «Повесть философическая представляет избранный момент жизни как развитие идеи, как решение умозрительной задачи! <...> Смысл жизни должен находиться в ней самой: и философическая повесть должна его не выносить, а указывать. <...> Она представляет различные моменты жизни беспристрастно, в их глубокой, неискаженной истине, и тем дает видеть их цельный, подлинный смысл, их вечное, самостоятельное значение» [9, с. 322].

В первую очередь, обращает на себя внимание понятие «избранный момент жизни», предполагающее экстрагированный автором эпизод действительности — лоскут пестрого одеяла сменяющих друг друга событий, — который становится иллюстрацией идейного положения. Иными словами, это мысль, облаченная в маску повседневноности.

При выяснении специфики пушкинских произведений обнаруживается, что метафизические умозаключения о нравственных и ценностных категориях замещены

изображением близких читателю ситуаций из обыденной жизни: сценой похода цезаря в «Повести из римской жизни» и сценой вечера аристократии в отрывке «Мы проводили вечер на даче...». В соответствии с данной позицией показательно утверждение В. Г. Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Философ говорит силлогизмами, поэт — образами и картинами, а говорят оба они одно и то же» [3, с. 281]. Однако, что касается наглядной «картины», то эффективность ее эстетического воздействия более сильна в способности побудить читателя к процессу сотворчества, требование к которому выкристаллизовывается из установки философской прозы «на активизацию сознания воспринимающего субъекта» [5, с. 75].

Приемом, стимулирующим духовные и умственные реакции реципиента в прозаических отрывках, выступает отсутствие резюмирующего компонента и внешняя композиционная незавершенность.

Достаточно характерна в этом смысле кульминация светской повести, которая обрывается на фразе «Алексей Иванович встал и тотчас исчез...» [12, с. 425]. Одна из очевидных особенностей структурной организации состоит в том, что традиционная, принятая в литературоведении развязка с разрешенным конфликтом вынесена за раму произведения, но, несмотря на это отрывок не является ущербным, напротив, по словам А. Ахматовой: «Все, в сущности, сказано. Едва ли читатель вправе ждать описания любовных утех Минского и Вольской и самоубийства счастливец» [2, с. 200]. Если же говорить о финальном многоточии Пушкина, которое «<...> ничего окончательно не утверждает, а только наводит на раздумья, заставляет мыслить» [8, с. 76], то его постановка особенно действенна, поскольку вовлекает аудиторию в процесс дописывания сюжетной линии.

О принадлежности «Повести из римской жизни» к философской прозе свидетельствует заканчивающий произведение афоризм: «Красно и сладостно паденье за отчизну» [12, с. 390], который, как средство обобщения универсальных закономерностей действительности, не только укрупняет масштаб повествования до уровня абстракции, но и выступает мощным катализатором для аналитики, «<...> оставляя читателю некое пространство, позволяющее ему мобилизовать свои духовные и эмоциональные силы» [10, с. 131].

В подобном ракурсе интеллектуальной потребности реципиента, состоящей не столько в истолковании книги, сколько в познании себя и окружающего мира, симптоматично замечание Н. И. Надеждина о том, что «философический» текст лишь «указывает» на смысл бытия, избегая категоричных выводов.

Вычленяемое ученым свойство философской «беспристрастности» изображения моментов жизни реализуется благодаря субъектной организации текста, согласно которой «автор как первичный субъект сознания либо предельно умален в своем прямом, видимом, присутствии, либо, наоборот, покрывает собой все объекты, растворяет их в себе, открыто субъективируя их» [16, с. 55].

Акцентирует на себе внимание тот факт, что наличие условного «я» рассказчика, как преюдициального критерия обобщенно-внеличностного масштаба существования философской прозы, вычленяют авторы монографий «Русская философская проза» и «Русская философская лирика». Например, по утверждению А. Е. Еремеева: «Слово автора отражает индивидуальный путь познания условным «я» повествователя, но в процессе этого познания рождается внеличностный, общезначимый, исторический масштаб изображения» [5, с. 184]; Р. Спивак аналогично устанавливает тяго-

тение философского текста к «внеличным и обобщенно-личным формам выражения авторского сознания» [16, с. 13], в роли которых выступают местоимения «ты», «мы», «вы» в значении «всякий», «каждый», «любой».

Весьма нагляден в этом отношении метод автора прозаического отрывка, который избирает вариант «умаления» своей личности, скрытия ее под маской нарратора.

Так, изложение «Повести из римской жизни» ведет не называющий себя, включенный в члены свиты Нерона, друг Петрония: «Цезарь путешествовал. Мы с Титом Петронием следовали за ним издали» [12, с. 385]. Подобный рассказ от лица непосредственного участника событий, с одной стороны, дистанцирует автора, а, с другой — мотивирует естественность и эмоциональную напряженность речи.

Если обратиться к рассмотрению начальной фразы сочинения о нравах светского общества: «Мы проводили вечер на даче у княгини Д...» [12, с. 420], то можно отметить, что иллюзия живого присутствия творимой на глазах читателя реальности также создана посредством введения в текст фигуры деперсонифицированного повествователя.

Наконец, представляется необходимым очертить маркированную Н. И. Надеждиным категорию «вечное», которая имманентна понятию «философичность». По утверждению А. М. Подоксенова, для «философской прозы» как особого жанра литературы: «Главное — это постановка тех проблем бытия, которые являются философскими, <...> на которые автор дает ответ, художественно постигая мир с помощью имеющихся знаний, интуиции или анализа собственного экзистенциального опыта» [11]. В этой ситуации философские проблемы бытия, сегментированные на метафизические и аксиологические, предполагают апелляцию к фундаментальным принципам реальности: законам развития мира, общества, принципам морали, и т. д.

Вышеотмеченное в полной мере актуально для неоконченных произведений, в центр которых Пушкин ставит вопрос, связанный с одной из вечных тем добровольного ухода из жизни сильной личности: «Повесть из римской жизни» и отрывок «Мы проводили вечер на даче...» «<...> два совершенно законченные и глубоко продуманные произведения, внутренне очень близкие друг другу (по фактуре) и трактующие одну и ту же проблему (самоубийство)» [2, с. 206].

Раскрытию сущности мотива смерти в «Повести из римской жизни», отраженной в словах Е. А. Маймина: «Человек в духовной жизни — и только в ней — способен торжествовать над смертью. Поэт — это высшее выражение духовного человека, и именно потому ему дано победить смерть» [7, с. 167], способствует композиционная составляющая — сокровенный диалог между Петронием и его другом, в который вплетены свободные античные переводы Пушкина. Каждая поэтическая вставка, выполняющая роль развернутой метафоры, придает произведению новый смысловой оттенок, демонстрируя «антиномизм и полифонизм мышления» [11], что является выраженной тенденцией философичности творчества.

Первое стихотворение — вольный перевод оды Анакреона — интерпретирует отношение к кончине как к естественному закону бытия:

Поседели, поредели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели
И потух огонь очей [12, с. 388].

Рассуждение о неискренней трусости на поле битвы Горация, который предлагает «неминучей» смерти от руки врага альтернативу спасения, следует за цитированием оды:

Бежал нечестно, брося щит,
Как я боялся! как бежал! [12, с. 389].

На фоне примеров поведения перед лицом смерти античных писателей иллюстративна проверка духовной стойкости, готовящегося к самоубийству Петрония: поэт мужественно и с достоинством принимает смерть.

На основании сохранившегося в черновике плана «Повести из римской жизни», начатой в 1834 году, известно, что во время одного из уединенных вечеров у Петрония должен был прозвучать и стать темой беседы рассказ о египетских ночах Клеопатры. Замысел реализовался, но чуть позднее в преображенной форме в отрывке «Мы проводили вечер на даче...» конца 1835 года:

Зачем печаль ее гнетет?
Чего еще не достает
Египта древнего Царице? [12, с. 422].

По закону функционирования философского текста, требующего расширения масштаба повествования до общезначимого уровня, организация хронотопа отрывка из жизни света сопряжена с приемом переключения содержания из социально-бытового плана в онтологический, который позволяет сплести житейский случай с контекстом легенды и наметить взаимосвязь явлений: Пушкин в творчестве 30-х годов «стремился осмыслить духовные процессы 30-х годов на стыках времен, в системе возможных исторических аналогий <...> сущность современной ему эпохи нельзя понять исключительно изнутри, но можно приблизиться к ней из глубины исторического контекста» [7, с. 210–211]. Методом «стыковки времен» и выступает тема царицы, которая играя конструктивную роль, завязывает сюжетный узел и создает богатые художественные возможности для «сопоставления позднеантичных и современных нравов» [14, с. 139].

Несоответствие между ценностными ориентациями и моральными принципами человечества в разные эпохи вскрывается в оживленном споре собравшегося в гостиной загородного дома аристократического общества, в ходе которого сталкиваются точка зрения массы, несведущей о понятии «честное слово»: «Невозможно. Не было бы никакого правдоподобия. Этот анекдот совершенно древний; таковой торг нынче несбыточен, как сооружение Пирамид <...> он на другой день уедет в чужие края — а она останется в дураках» [12, с. 424]; и позиция исключительных личностей, страстных и свободолюбивых: «Отчего же не сбыточен? <...> И нынче иная женщина дорого себя ценит. Но мужчины 19 столетия слишком хладнокровны, благоразумны, чтоб заключить такие условия» [12, с. 425]. Как становится очевидным, дерзость Вольской, осмелившейся на роль Клеопатры и выдвигающей ее условия, а также решительность Алексея Ивановича, принимающего брошенный вызов, сближают персонажей с нравственным портретом людей древнего мира.

Итак, в контексте рассмотренных фактов отрывка «Повесть из римской жизни» и «Мы проводили вечер на даче...» могут быть диагностированы как философские.

В неоконченных произведениях критерию философской прозы преподнести абстрактные энтимемы через зрительную картину действительности с целью заинтересовать читателя и активизировать его мыслительную деятельность соответствует изображение конкретных сцен путешествия свиты Нерона и сцен светского вечера.

Прием «диалогичности, вовлечения реципиента в процесс размышления» [6, с. 155] у Пушкина реализуется сюжетно полифонией точек зрения на проблему, отсутствием социально-нравственных оценок и выводов, а композиционно — «открытым финалом», обрывом сюжетной линии.

Требование обобщенно-личной формы структурной организации авторского сознания в обоих отрывках сказалось на фигуре нарратора, скрытого под деперсонализированной маской местоимения «мы».

Философская природа художественного объекта априори подразумевает обращение к онтологическим проблемам — как верно сформулировал Е. А. Маймин: «Философская правда — правда не индивидуального только значения, а общечеловеческого» [7, с. 188]. В неоконченных сочинениях затронута вечная тема жизни и смерти, а также подняты фундаментальные аксиологические вопросы, которые раскрываются благодаря образам волевых, сильных духом, мужественных натур с их «Дерзким выходом навстречу опасности. Вызовом, брошенной судьбе. Рискованным (на грани жизни и смерти) испытанием судьбы» [4, с. 208].

Также, следует отметить, что значимое для философичности сопряжение временных планов, расширяющее перспективу, осуществляется за счет вплетения в отрывок «Мы проводили вечер на даче...» поэмы Аврелия Виктора о Клеопатре, которая позволяет провести параллель между нравами античности и современности: «Пушкин ищет все новые формы выхода в большое время из ограниченного сюжетными рамками времени своих рассказов. Эти поиски приводят его к своеобразному перевороту во временной ориентации сюжета» [13, с. 168].

Литература

1. Акелькина Е. А. Пути развития русской философской прозы конца XIX века. Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/puti-razvitiya-russkoj-filosofskoj-prozy-konca-xix-veka.html>
2. Ахматова А. А. О Пушкине. М.: Книга, 1989.
3. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 10 М.: Изд-во АН СССР, 1956.
4. Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: Нижегородское издательство, 1994.
5. Еремеев А. Э. Русская философская проза. Томск: Томский государственный университет, 1989.
6. Липич Т. И., Липич В. В. Вопросы литературы к философии. XIX век // Человек. 2010. № 2. С. 150–157.
7. Маймин Е. А. О русском романтизме. М.: Просвещение, 1975.
8. Маймин Е. А. Русская философская поэзия. М.: Наука, 1976.
9. Надеждин Н. И. Летописи отечественной литературы // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972.
10. Науман М. Литературное произведение и история литературы. М.: Радуга, 1984.

11. Подоксенов А. М. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества. Журнальный клуб Интелрос «Credo New». 2013. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/readroom/credo_new/k4-2013/21496-mihail-prishvin-filosofsko-mirovozzrencheskie-konteksty-tvorchestva.html
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. VIII. Повести и романы. Путешествия. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
13. Селезнев Ю. В мире Достоевского. М.: Современник, 1980.
14. Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973.
15. Слина Э. В. Повесть А. С.Пушкина «Цезарь путешествовал...» (соотношение поэзии и прозы) // Проблемы современного пушкиноведения. Л.: ПГПИ им. С. М. Кирова, 1986. С. 10–19.
16. Спивак Р. Русская философская лирика. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985.